

Счастливец Александр Николаевич

КОРЕФЕРЕНЦИЯ ЗНАКОВ ВНИМАНИЯ

Взаимоотношения знаков внимания с самими собой формируют кореференции, необходимые для передачи и понимания смысла. В результате понимается всегда только индивидуальный смысл. Поэтому сознание формируется как способность понимать. В контексте понимания обмен знаками внимания не может быть эквивалентным. В данной статье анализируется структура отношения кореференции. Изучается кореферентное соотношение неопределенностей выражения смысла.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/50.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. II. С. 183-188. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

16. Haardt A. Husserl in Russland. München: Fink, 1993. 340 S.

17. Safranski R. Ein Meister aus Deutschland: Heidegger und seine Zeit. München, 1994. 648 S.

18. Safranski R. Heidegger et son temps. Paris: Grasset, 1996. 650 p.

INFLUENCE OF CREATIVE WORK OF M. HEIDEGGER ON THE RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Soltan Mokhammad Rad-Khassan

Lomonosov Moscow State University

soltanmsu@yandex.ru

The article is devoted to the study of the influence of the creative work of M. Heidegger on the Russian philosophy of the beginning of the XX century. Also attention is paid to the peculiarities of the phenomenology of M. Heidegger in comparison with the phenomenology of E. Husserl. The author of the article answers the question, which peculiarities of the Russian philosophy of the beginning of the XX century contributed to the acceptance of Heidegger's phenomenology. The analysis of the impact of M. Heidegger on the Russian philosophy of the beginning of the XX century is conducted in the context of the comprehension of the significance of Heidegger's phenomenology for the works of particular philosophers such as S. L. Frank, G. G. Shpet and others.

Key words and phrases: Heidegger; Frank; Husserl; phenomenology; hermeneutics; "being-in-the-world"; *Dasein*.

УДК 115.4; 165.12

Философские науки

Взаимоотношения знаков внимания с самими собой формируют кореференции, необходимые для передачи и понимания смысла. В результате понимается всегда только индивидуальный смысл. Поэтому сознание формируется как способность понимать. В контексте понимания обмен знаками внимания не может быть эквивалентным. В данной статье анализируется структура отношения кореференции. Изучается кореферентное соотношение неопределенностей выражения смысла.

Ключевые слова и фразы: знак; кореференция; значение; смысл; выражение; сознание; внимание; интерпретация; реперцепция; время; пространство.

Счастливец Александр Николаевич, д. филос. н., доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации (филиал) в г. Тамбове

a.alter2010@yandex.ru

КОРЕФЕРЕНЦИЯ ЗНАКОВ ВНИМАНИЯ®

Введение

Теории и методы необходимо выступают в качестве кореферентных знаковых систем, которые имеют различные значения в контексте развития осмысленного объекта. На границе обозначения предметов с помощью кореферентных знаков впервые структурируется сознание. В частности, синтаксическая работа сознания начинается на уровне непонятного мышления. Развитыми формами мышления вне понятия являются интонация, изображения и архитектура. Но еще до конкретных обозначений предметов возникающее сознание формирует исходное представление, имеющее синтаксическую структуру. Это значит, что знаки, которые подбираются или изобретаются для обозначения, попадают во временные синтаксические соотношения с самими собой и неизбежно меняют значения. Эти соотношения знаков выражения и знаков внимания с самими собой образуют кореференции, необходимые для передачи и понимания смысла. Поэтому сознание формируется как способность понимать.

Предметом данного исследования является кореференция знаков внимания. Методом исследования является логико-семантический анализ процесса обращения внимания. Результатом исследования является выявление закономерности формирования отношения кореференции знаков внимания в момент понимания. В первом разделе разбирается структура отношения кореференции. Во втором разделе изучается кореферентное соотношение неопределенностей выражения смысла.

1. Отношение кореференции

Знаки внимания исследователя к объекту систематизируются в научных теориях, которые используют в качестве методов исследования. Теории и методы необходимо выступают в качестве *кореферентных* знаковых систем. Эти знаковые системы имеют различным образом определенное значение в контексте развития осмысленного объекта. Как заметил Г. В. Ф. Гегель, «кто разумно смотрит на мир, на того и мир смотрит разумно» [3, с. 65]. Но разумно можно смотреть только *различным* образом. Иначе мир не имеет смысла. В данном случае – в случае происхождения сознания – смысл может быть и не выражен словесно. Более того, смысл не всегда может быть выражен в форме понятия. В таких случаях сначала используют *остенцию*,

то есть «определяют» предмет с помощью указания. Одни предметы «косвенно определяют» с помощью указания на другие предметы. «Предполагается, конечно, что взаимоотношения между вызывающими мысленный образ элементами могут также быть схвачены как структуры, которые сами вызывают мысленный образ в некоторой модальности или комбинации модальностей – то есть что взаимоотношения между элементами остенсивного определения могут быть самостоятельно остенсивно определены. Когда мы используем понятия, мы обычно не думаем их определения, но мы уверены, что могли сделать так» [7, p. 71]. Но и в том, и в другом случае кореферентные знаки необходимо не совпадают друг с другом в своих значениях. Именно на границе обозначения предметов с помощью кореферентных знаков впервые структурируется *сознание*.

Развитыми формами мышления вне понятия являются интонация, изображения и архитектура. В частности, соответственно природе интонационной синтактики *знак привлечения* внимания функционирует на разных уровнях: вещественное функционирование *знака* в форме звука или иероглифа обусловлено его значением в конкретном *смысловом* контексте. Точно так же *знак обращения* внимания имеет значение для интерпретации и обусловлен творческим формированием образа. Психическим механизмом формирования образа является переживание представлений в новом контексте. Это переживание представлений, в котором они заново конструируются, называется *реперцепцией*. Знак используется музами не за счет абстракции от выразительных средств, а за счет привлечения внимания в контексте конкретных реперцептивно структурированных форм представлений.

Художественное произведение существует в его основных формах восприятия и понимания. Точно так же и научная картина мира формируется в этих же формах. В контексте этих основных форм *становятся* превращенные формы представлений, такие как воспоминание, проект. Исполнительский проект осуществляется в восприятии, а слушательская константная форма – в интерпретации. Восприятие выступает здесь в качестве творческой формы бытия, а интерпретация – в качестве осмысленной формы. В частности, эксперимент представляет собой такую форму выполнения программы исследования, которая необходимо *открыта* по отношению к новым результатам в будущем. Вне этой открытости постоянному развитию эмпирическое знание не может стать методом в смысле *пути* исследования. Оно остается всего лишь хлебными крошками, которые Мальчик-с-Пальчик рассыпал на дороге. Их склевали птицы. Действительным методом знание становится при условии открытого роста. Эта открытость роста знания обеспечивается с помощью предположения о принципиально непредсказуемом поведении объекта, *не соответствующего* гипотезе. Такое несоответствие постоянно ограниченному опыту и есть действительное *соответствие* научного метода выражению универсума. А именно – универсум выражает смысл, который каждая наука читает на языке своих данных. Знаки, обозначающие подобные не тождественные самим себе объекты, то есть объекты в развитии, оказываются знаками в отношении *кореференции*. Ибо только в контексте *различения* они референтны в собственном смысле по отношению друг к другу. Основные формы бытия – интерпретация и восприятие – имеют смысл только в контексте их *различения*. Они сосуществуют в этих качественных формах со-бытия и невозможны друг без друга. В момент различения количественно изменяются только формы представлений. Эти *счетно-временные* формы только в процессе реперцепции получают свои новые значения.

В превращенных формах представлено мнимое субъектное время. То есть это та длительность, в течение которой коммуникаторы конструируют пространство исполнения и зону внимания. Эта длительность в момент восприятия и обозначается. То, что слушатель выслушивает из интерпретации или что читатель вычитывает из романа или трактата, – это всегда индивидуальный смысл. Важно то, что он выслушивает или вычитывает самого *себя* (*de se*), в частности – свою индивидуальную синтактику. «...Для формы референции *de se*, которая означает 'меня', невозможно ни подобрать эквивалент в терминах *de re*, 'его', ни найти эквивалентную референциальную фразу *de se* 'теперь' исключительно в терминах 'тогда'. В таком случае у нас получаются чрезвычайно неэквивалентные формы референции. Поскольку каждая из них не опосредована с помощью описания, у нас есть кроме этой, по крайней мере, еще три формы неэквивалентной референции, так как ни для 'меня', ни для 'его' нельзя дать неуказательные эквиваленты в терминах одного только описания» [8, p. 131]. Следует поэтому различать контекстуальные *уровни*, на которые термины указывают.

В данном случае, в случае вычитывания себя, индивидуальная синтактика *de se* обозначается с помощью знаков внимания, которые *кореферентны* по отношению к знакам привлечения, то есть *не однопорядковых* по отношению к ним. Например, соединение субъектов «мне тепло» и «я голоден» представляет собой всего лишь *дизъюнкцию* в значении логического *сложения* «и/или». Ибо эти два представления являются онтологически однопорядковыми по отношению к сознанию, оставаясь в пределах физической и органической сред.

Этот психический механизм автореференции «я делаю» формируется уже в раннем детстве. «Когда младенцы инициируют всестороннюю проверку между предметом интереса и другим лицом, они следят за тем, обращает ли внимание другое лицо и на объект, но в то же время и на *них*, на то, как они исследуют объект. Другими словами, мотив перспективного совместного внимания младенцев оказывается не только коммуникативным, но также и *автореферентным*» [11, p. 80]. Иначе говоря, соотношение кореференции формируется сначала в форме автореференции. Знаки внимания оказываются не только объекту, но и самому себе. Эти два референциальных потока неизбежно осознаются как параллельные. «Досконально проверяя, участвует ли кто-нибудь еще вместе с ними, младенцы начинают также проверять их собственное существование в уме других. Этот процесс устанавливает параллель с референциальным актом совместного внимания, которое отмечается в литературе. Я усматриваю здесь рождение сопутствующего сознания (co-consciousness). Оно является первым признаком того, что младенцы начинают не только знать, что они знают, ...но также и то, что *они знают, что делятся знаниями с другими*» [Ibidem]. Достижение сопутствующего сознания служит важным этапом в формировании дизъюнктивной связи однопорядковых субъектов, составляющих социальную структуру.

В условиях такого уже состоявшегося общественного сознания новый индивид имеет возможность подключиться к сознательной деятельности с помощью рядовой автореференции. Его сознание в этом случае функционирует пока только «как знак наличия другого сознания в мире» [6, с. 176]. Но если сознание как индивидуальная способность понимать возникает впервые в мире, как это и происходит постоянно в момент научного открытия или создания нового художественного стиля, то оно необходимо создает свою собственную субличностную структуру, которая обеспечивает продуктивную коммуникацию. Именно это индивидуальное интересубъектное взаимодействие, в условиях которого осуществляется неэквивалентный символический обмен, является непрерывным условием эвристической деятельности интеллекта от момента происхождения человека и до наших дней.

В частности, действительной *конъюнкцией* в значении *умножения* является связка *онтологически различных* субъектов «я сделал» и «я понял». Эти автореферентные субъекты действительно *пересекаются* в средах высшего порядка – социальной и виртуальной. Поэтому они должны индексироваться соответствующим образом. Это интересубъектное соображение различных инстанций принципиально меняет *метрику* социального пространства. Пространство конструируется в момент понимания. Поэтому понимание смысла как форма бытия родового существа никогда не копирует интерпретацию, а представляет собой понимание уникально переживаемого представления в этом конкретном восприятии.

Именно так *сознание* возникает в качестве *способности понимать*. Именно так совершается *открытие* в научном исследовании. Личность осознает себя, то есть понимает в этот момент, соответственно, обозначает и действует. Поэтому отношение *de se* суть не представление, а мышление. Только в случае «я-мышления» личность способна к открытию в науке и к новому художественному стилю. Но с помощью знаков и действий мы можем понимать только в той *мере*, в какой мы способны к реперцепции своих представлений. Эта мера является онтогенетической мерой, следовательно, – гносеологической для каждой личности. Эту меру знак выражает в его функции использования.

2. Кореферентные неопределенности выражения смысла

Если *знак обозначает* пространство экспонирования, то тем самым он как *символ указывает* на время интерпретации. Соответственно, если *знак обозначает* зону внимания, то тем самым он как *символ указывает* на время восприятия. Время восприятия и время интерпретации – это времена выражения и понимания смысла, иначе говоря, это время *события* восприятия и интерпретации. Вне этого событийного времени не может структурироваться пространство экспонирования. Точно так же вне событийного времени не определяется зона внимания. Именно эти представления и являются предметом реперцепции. То есть знак обозначает время со-бытия не непосредственно, а через конфликтное конструирование социального пространства в момент *понимания*. «Символ – это не просто любое знаковое обозначение или значащее замещение; он предполагает метафизическую связь видимого и невидимого» [2, с. 118]. Таким образом, знак ограничен пространством субъекта говорящего именно в силу того, что он определен событийным временем в момент восприятия и понимания. В этом случае это уже не обычный знак частичного действия, а символ, который «указывает на некоторый предмет, выходящий за пределы его непосредственного содержания. Он всегда содержит в себе некоторого рода *смысл*» [5, с. 257]. Это символ системы межличностных отношений, то есть муз. Очевидно, социальное пространство конструируется в момент восприятия и понимания.

Наряду с символизацией собственных межличностных отношений некоторые произведения или интонации могут оказаться символами сторонних отношений. Например, *идолизация* означает привязывание предмета к идолу. В частности, *идолизация* характерна для ангажированной музыки. При этом интонации или произведения к этим привязанным значениям никакого отношения не имеют. Так же и в науке, как известно, какая-нибудь привилегированная или разрекламированная теория под видом теории бытия или познания в качестве референта содержит идол пещеры или идол театра, который препятствует познанию. В результате знак отделяется от своей референции и лингвистически имитирует мир. «Эмансипированный, деиерархизируемый знак еще не отделяет себя от своей референции мира... В рассудочно управляемой эрзац-референции аналогично эмансипированного и таким образом 'объективного' мира знаки стали нейтральными и только все еще цепляются за смысл природы как реального мира. В социальном отношении освобожденный рассудок должен теперь полагаться на эту референцию, то есть на лингвистическую референцию мира» [9, р. 27]. В действительном эйдогенезе генерируется знание, а не только индуктивно растет информация, как это происходит в эмпирических дисциплинах – искусствоведении, географии, медицине и других. Знание, в отличие от информации, генерируется всегда только во взаимодействии фундаментальных выраженных форм, определяющих структуру кореферентных отношений внимания.

В интерпретируемом и понимаемом образе, допонятийно выражающем смысл, достигается истина события. После того как обозначенные знаками внимания отношения исчезают, интонации утрачивают значение и образуют пустые звукоемкости. Подобным образом фразы становятся пустыми словоемкостями без своих прежних значений. Потеря значений, составлявших смысл, означает тем самым утрату самого смысла. Для новых *популяций* эти знаки ничего не значат. Ибо популяция, привязанная только к определенным значениям, не свободна. А именно свобода представляет собой осмысленный переход из одной знаковой системы в другую. В силу этой свободы отношения искусства и науки сопряжены жизни человечества. Попадая в эти протяженные отношения, популяции формируются как *поколения*, которые оставляют в культуре значительные следы, то есть символы.

Потеря символом своего интонационного синтаксиса, или износ символов, представляет собой признаки утраты поколения как носителя культуры и превращения его в популяцию. То есть культура вырождается

в ее имитационные виды. Точно так же символ художественных или исследовательских отношений оказывается символом лишь исторически определенной синтактики мышления. Синтактика выражается в звуковой, словесной форме, но символ, указывающий на отношения науки или искусства, не может быть подменен каким-либо частным знаком, который использует данная синтактика.

В момент выражения смысла символизируются различные среды: проект интерпретации *реализуется* в символическом процессе экспонирования как в звучащей синтактике исполнительского мышления, а *осмысливается* в скрытой синтактике восприятия. Цель проекта достигается в момент понимания смысла в процессе экспонирования. Пункт внимания пересекает траекторию экспонирования. Символический акустический процесс, в свою очередь, стягивает внимание в фокус с помощью событийного времени и тем самым превращает его в произвольное.

Непроизвольность обозначения внимания является признаком его в случае свободного *привлечения* внимания с помощью звукового происшествия. Также и в случае свободного *обращения* внимания к извлекаемым из подсознания константам внимание обозначается произвольно. Внимающий субъект включается в традицию знакового обмена, сохраняющую жанр как исторический тип предметности. Тем самым субъект уже принадлежит социальной структуре, которая служит носителем жанра. Произведение как новый исторический тип предметности возникает в Новое время в качестве предмета индивидуального творчества. Оно содержит в себе признаки жанра в снятом виде. Но произведение искусства как предмет внимания, в отличие от функционирующего жанра, существует только в качестве самостоятельного объекта.

Поэтому традиция в условиях произведения наследуется только в свободном волеии воспринимающей личности. Социальным носителем произведения становится субличная социальная структура, которая имеет свою собственную кореференцию знаков внимания. Личность создает себя в качестве самосохраняющегося объекта в традиции произведения. Только в этом случае исследователь или художник способен сделать *открытие* или создать свой индивидуальный *стиль*. Все большая отчетливость знака внимания к гармоническому происшествию превращает происшествие в художественное событие. Но отчетливость в художественном значении становится недостижимой, если внимание сосредоточено только на следах ощущений, которые не совпадают с актуальным представлением. Точно так же отчетливости недостижима, когда внимание сосредоточено только на ожиданиях, еще не подтвержденных звуковыми происшествиями. Наконец, слушатель может отвлечься от исполнения, то есть стать другим субъектом.

Знаковая отчетливость означает собранность внимания. Без этой отчетливости невозможна конкретная форма сознания. Знаковая отчетливость достигается в произвольном движении пункта внимания сквозь символический акустический процесс. Внимание постоянно оказывается относительно актуального акустического происшествия либо в будущем, либо в прошлом: либо в области невытесненных констант, либо во множестве уже реконструированных, значит, измеримых представлений. Как замечает Э. Гуссерль, «я могу направлять свое внимание и на способ данности – на соответствующий модус “теперь”» [4, с. 256]. Только следует уточнить, что *данность* означает нечто, никакого отношения к модусам не имеющее. Эти представления и нормы вместе образуют свернутый в шедевр символический процесс, то есть не отдельный интонационный образ, а шедевр со своим единовременным идеальным характером как уже определенный образец поведения.

В результате движение пункта внимания имеет траекторию, которая не похожа на путь исполнительского символического процесса. Это значит, что эквивалентного обмена информацией с помощью *знаков обращения* к подсознанию и *знаков привлечения* внимания к звуковому процессу не происходит. В противном случае эквивалентный обмен не имеет смысла. То есть знаки, находящиеся в отношении *кореференции*, – это необходимо *неравнозначные* знаки. Эти неравнозначно обозначенные формы представлений и составляют структуру индивидуальных синтактик. Получающиеся границы между этими двумя различными синтактиками фиксируются в форме выразительных средств. «Удивительно ли, что не понимают, как мышление и язык связаны с миром, если никто не упоминает восприятие?» [10, р. 454]. В таких случаях обычно принято выражать беспокойство по поводу несоответствия картины мира объекту. Как будто картина мира и объект застыли друг перед другом.

В действительности это недостижимо в силу непрерывного индивидуального развития самого творящего и познающего объекта, каким является личность исследователя. Ибо творящая и познающая личность и является *постоянно актуальным* продуктом природы. Так что в действительности стилистически определенная картина мира и развивающийся объект необходимо оказываются взаимными *коррелятами*. В противном случае нет прироста информации. Поэтому только в контексте этого постоянного динамического несоответствия знаков обращения и знаков привлечения внимания друг другу возможно научное открытие.

Траектория слушания образует зоны внимания, которые определены разными следами и ожиданиями. Внимание исполнителя сосредоточено на звуке и на слушательских догадках. Поэтому траектория экспонирования отображает и большую умеренность сознания исполнителя, чем сознание слушателя. В результате образуется *зона настоящего*, которую Аристотель фиксирует следующим образом. «Так как “теперь” есть конец и начало времени, только не одного и того же, а конец прошедшего и начало будущего, то, подобно кругу, который в одном и том же [месте] и выпукл и вогнут, и время всегда начинается и кончается. Поэтому оно и кажется всегда различным: ведь “теперь” служит началом и концом не одного и того же, иначе в одном и том же сразу окажутся две противоположности» [1, с. 155]. Тем не менее, и та, и другая картины отображают действительное положение вещей.

Если мы можем измерить зону внимания, то при этом не можем видеть пункт сосредоточения. И наоборот, если фиксируем пункт сосредоточения, то не видим границ зоны внимания. Таково необходимое

соотношение неопределенностей выражения смысла. Именно это неэквивалентное знаковое соотношение является *кореферентным*, то есть продуктивным в момент выражения и понимания. Взаимодействие этих двух траекторий внимания образует *пространство доречевой синтактики*. А именно доречевая синтактика не состоит во взаимно однозначном соответствии по отношению к языковым структурам. Только в неоднозначном контексте внимания эти траектории являются источниками информации для сознания. Эта структура доречевого мышления структурирует далее и архитектуру социального пространства.

Обе траектории образуют реальный путь звукового символического процесса. Точка слушательского внимания не имеет значения без процесса экспонирования. Благодаря значительному функционированию, обе траектории обозначаются знаками привлечения и знаками внимания. Это функционирование определяется бытием интерпретатора и воспринимающего слушателя как осмысленным со-бытием. Поэтому задача состоит в том, чтобы развить интеллект до такой степени, при которой можно было бы схватить обе неопределенности в едином поле синтаксического взаимодействия. В этом взаимодействии знаки допонятийного привлечения внимания интересны для восприятия, ибо только в контексте восприятия знаки обращения внимания получают свои новые значения. Эта задача является в той же мере научной, в какой и естественной.

Интерпретация и восприятие необходимо различны, поэтому конструируют вещественное и интеллектуальное пространство. Это пространство имеет уникальную синтаксическую структуру в каждом новом экспонировании. Новые неожиданные *знаки внимания* оказываются интересными для интерпретации. В свою очередь, *знаки обращения* означают только как неэквивалентные в контексте символического процесса экспонирования. Экспонирование функционирует как таковое только относительно траектории внимания, которое конструирует смысл. Произведение необходимо обозначается в двух смыслах: в смысле экспонируемой интерпретации и в смысле индивидуального восприятия. В противном случае произведение не имеет смысла. В результате бытие произведения суть не что иное, как со-бытие его в момент выражения и понимания смысла. Это событие личностей, которые определяют отбор означающих.

Ясно, что представления не экспонируются и непосредственно не воспринимаются. В формах представлений произведение становится предметом анализа и оценки. Оно также обозначается, попадая в межличностные отношения. Любой знак изобретается и функционирует только в контексте этих отношений. Поэтому и целые знаковые системы, которые означают структуры произведений, структуры стилей и структуры интонационных культур, выражают не что иное, как нормы допонятийного мышления, выведенные у природы.

Заключение

Творящая и познающая личность является постоянно актуальным продуктом природы. Поэтому в действительности стилистически определенная картина мира и развивающийся объект оказываются взаимными коррелятами. Только в контексте этого постоянного несоответствия знаков обращения и знаков привлечения внимания друг другу возможно научное открытие. Интонирующий субъект демонстрирует и большую умеренность сознания, чем воспринимающая личность. Вместе они образуют зону настоящего. Если мы измеряем зону внимания, то при этом не видим пункт сосредоточения. Если фиксируем пункт сосредоточения, то не видим границ зоны внимания. Таково необходимое соотношение неопределенностей выражения смысла. И та, и другая картины отображают действительное положение вещей.

Именно это неэквивалентное знаковое соотношение является *кореферентным*, необходимо обеспечивающим понимание. Поэтому задача состоит в том, чтобы развить интеллект до такой степени, при которой можно было бы схватить обе неопределенности в едином поле синтаксического взаимодействия. А именно в этом взаимодействии знаки допонятийного привлечения внимания интересны только в контексте восприятия. Знаки внимания оказываются интересными для интерпретации в том случае, если знаки обращения означают только как неэквивалентные в процессе символического экспонирования. Они обусловлены существованием произведения, которое представляет собой со-бытие его в момент выражения смысла и соображения. В превращенных формах представления произведение обозначается, попадая в межличностные отношения.

Список литературы

1. **Аристотель.** Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. 613 с.
2. **Гадамер Х.-Г.** Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. **Гегель Г. В. Ф.** Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 480 с.
4. **Гуссерль Э.** Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А. В. Михайлова; вступ. ст. В. А. Куренного. М.: Академический Проект, 2009. Кн. I. 489 с.
5. **Лосев А. Ф.** Философия. Мифология. Культура / сост. Ю. А. Ростовцев; вступ. ст. А. А. Тахо-Годи. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
6. **Харченко Е. В.** Сознание от третьего лица, или «Другие люди» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30). Ч. 3. С. 175-177.
7. **Ellis R. D.** Questioning Consciousness. The Interplay of Imagery, Cognition, and Emotion in the Human Brain. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. 260 p.
8. **Grim P., Rescher N.** Reflexivity from Paradox to Consciousness. Frankfurt – P.: Ontos Verlag, 2012. 190 p.
9. **Kurthen M.** White and Black Posthumanism: After Consciousness and the Unconscious / translated from the German by R. Payne. Wien – N. Y.: Springer, 2009. 159 p.
10. **Putnem H.** Sense, Nonsense and the Senses: An Inquiry into the Powers of the Human Mind // Journal of Philosophy. Lancaster, 1994. Vol. 91. № 9. P. 445-517.
11. **Rochat P.** Others in Mind. Social Origins of Self-Consciousness. N. Y.: Cambridge University Press, 2009. 253 p.

COREFERENCE OF SIGNS OF ATTENTION

Schastlvtsev Aleksandr Nikolaevich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation (Branch) in Tambov
a.alter2010@yandex.ru*

The relationship of the signs of attention with themselves forms coreferences necessary for transmitting and understanding sense. As a result only individual sense is always comprehended. Thus consciousness is formed as ability to understand. In the context of understanding the exchange of the signs of attention can't be equivalent. In the article the structure of coreference relation is analyzed. The coreferent correlation of the uncertainties of sense expression is examined.

Key words and phrases: sign; coreference; meaning; sense; expression; consciousness; attention; interpretation; re-perception; time; space.

УДК 130.2

Философские науки

В статье обозначены несколько вероятных подходов к пониманию феномена мифа в культуре, что представляется особенно актуальным ввиду распространенности, но в то же время дискретности и размытости самого понятия в современном гуманитарном знании. Вера, познание, творчество, жизнь и идеология рассматриваются в данной работе в ракурсе онтологических и гносеологических оснований мифа. Прослеживается движение мифологического сознания от всеобъемлющей первичной реальности к формам рефлексии о мифе, философской и художественной, а также к мифу как идеологическому механизму и индикатору социокультурного фона.

Ключевые слова и фразы: миф; мифологическое сознание; вера; социология мифа; мифотворчество; бытие мифа; гносеология мифа.

Фатеева Анастасия Сергеевна

*Московский государственный лингвистический университет
fateevas@yandex.ru*

ВАРИАНТЫ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ В ФЕНОМЕНЕ МИФА©

Особое значение различных аспектов теории мифа в научной мысли со второй половины XX в. до современного состояния данного вопроса вряд ли нуждается в подробных доказательствах: слишком велико число дисциплин и авторов, внесших свой вклад в постижение и развитие проблемы. Исследования, ориентированные на приближение к мифопоэтическому видению как к объекту высокого уровня обобщения и, соответственно, центральному умозрительному конструкту [6-9], обычно так или иначе вплетены в канву диалектического постижения самого явления *мифа*. Многогранность и незавершенность этого понятия при широкой амплитуде абстрагирования фактически гарантируют неисчерпаемость материала. Еще в прошлом столетии явно обозначились междисциплинарные свойства проблемы; сегодня над традиционными антропологическим, филологическим, символическо-теистическим подходами преобладают социально-политический, наиболее очевидно отвечающий вопросам актуализации [3-5; 18; 19], психологический и культурфилософский, отталкивающиеся, как правило, от пересмотра совокупности мифогенетических и мифологических концепций XIX-XX вв., а также рефлексии о неомифологическом творчестве, новых формах и воплощениях мифа. Последние представляются крайне разнообразными [10; 15; 17; 21; 24; 25; 28-30], отчего вовсе не удивительно, что аспекты мифа и миф как феномен культуры в современном научном дискурсе остаются областью полемики напряжения. Призрак мифа видится повсюду, «мифический» корень привлекается из любого явления, но квинтэссенция мифа в столь мифологизированном контексте, скорее, напротив, ускользает. Возможность ее поиска в рамках одной статьи существенно ограничена, по сему постараемся последовательно сформулировать вероятные подходы к мифу и остановимся лишь на тех положениях универсального толка, прояснение которых мыслится неизбежным.

Между первичным мифологическим мышлением, непреходящим мифотворчеством и неомифологизмом лежит едва ли реалистично преодолимый путь развития некой совокупности психологических и культурных наслоений. В опыте ретроспективного путешествия этот путь трудно недооценить, и, тем не менее, принципиальное различие между мифом-наследием (архаичным феноменом) и мифом единовременным (мифологизмом современного сознания) гораздо чаще принято нивелировать, т.к. оба эти явления обнаруживают ряд общих, будто бы одноприродных черт: «конкретно-чувственное и персональное выражение абстракций, символизм, идеализация “раннего” времени как “золотого века” и настойчивое предположение смысла и целесообразности направленности всего происходящего» [16, с. 421] – все это в известной степени оправдывает извлечение мифа из мира наших дней, из поэтического, политического и идеологического мышления (Р. Барт, Е. М. Мелетинский, М. Элиаде и др.). Так, в череде не столь давних исторических событий (точнее в особенности их подачи и восприятия, тоже в достаточной мере мифологизированных) угадываются сценарии